

УДК 82-95

DOI: 10.18101/1994-0866-2018-2-4-57-61

СОЛЖЕНИЦЫН-КРИТИК: ДИАЛОГИ С ПИСАТЕЛЯМИ-ПРЕДШЕСТВЕННИКАМИ И СОВРЕМЕННОКАМИ

© *Ершова Наталья Валентиновна*

учитель русского языка и литературы,

Мысовская средняя общеобразовательная школа № 56

Россия, 671230, г. Бабушкин, ул. III Интернационала, 35

E-mail: natalya-ershova-71@mail.ru

В статье рассматриваются некоторые аспекты писательской критики А. И. Солженицына: его эстетические взгляды на литературу и искусство, историко-литературные представления, включающие религиозно-философские стороны его мировоззрения. Именно эти аспекты выявляются в статьях из «Литературной коллекции», в публицистической прозе писателя. Раскрыто его отношение к роману М. Булгакова «Мастер и Маргарита», в том числе разочарование из-за отсутствия в романе основ православной этики. В суждениях Солженицына о прозе И. Шмелева и В. Распутина, поэзии С. Есенина раскрывается природа таланта этих художников слова. Делается вывод, что критика Солженицыным постмодернистской поэзии оценивается с позиций неприятия иронии, неоправданно большого внимания к частной жизни, и эта субъективность писателя объясняется обостренным чувством ответственности писателя-гражданина перед читателями-соотечественниками.

Ключевые слова: цикл очерков; русская классика; советская литература; русский андеграунд; исторический факт; художественная правда.

Явление Солженицына для всех, кому небезразлична судьба России, показало смысл его духовного наставничества. Он актуален как правдивый летописец своего времени, гуманист и философ, чьи труды учат «жить не по лжи». В свете острой проблемы утраты потребности у современной молодежи к чтению серьезной литературы нельзя обойти вниманием опыт А. И. Солженицына, выступающего в качестве читателя и интерпретатора литературы XIX и XX вв. Литературно-критические и публицистические суждения писателя знакомят нас с его высокой читательской культурой, учат активному отношению к произведениям русской литературы, которые он рассматривает в статьях и заметках из «Литературной коллекции» — цикле литературно-критических очерков о писателях-предшественниках и современниках.

Внимание Солженицына-критика привлекала и русская классика, и современная писателю советская литература, и русский андеграунд, и эмигрантская литература. Особого внимания заслуживает стиль писателя в «Литературной коллекции». Непосредственность суждений наивного читателя, сменяющиеся глубокими философскими размышлениями о смысле литературного творчества, заставляют по-новому взглянуть на произведения писателей, заинтересовавших Солженицына.

Составив собственное мнение о писательской личности, о впечатлении, которое произвел на него текст его произведения, Солженицын также прослеживает его дальнейшую судьбу, чтобы узнать, как это произведение приняли читатели. Например, восхищаясь «Грозой» А. Н. Островского, где, по его мнению, «впервые распаивается нам — как простор от волжской воли — осязаемый, непридуманный, страстный и вольный женский характер...» [3, с. 3], Солженицын отмечает, что пьеса, сразу же после написания поставлена и в Малом, и в Александринском театрах и затем шла с аншлагами в других городах. А сейчас она постоянно находится в репертуаре российских театров, по ней снят фильм и телеспектакль [3, с. 9]

В своих публицистических выступлениях, например, в лекции на вручении Нобелевской премии, Солженицын утверждал: «Писателям и художникам доступно победить ложь. Против многого в мире может выстоять ложь, но только не против искусства». По мысли писателя, высказываемой им неоднократно, именно в русской национальной традиции сильна тяга к правдоискательству, что находит отражение и в языке. «В русском языке, — замечает Солженицын, — излюблены пословицы о правде. Они настойчиво выражают немалый тяжелый народный опыт, и иногда поразительно: одно слово правды весь мир перетянет» [7, с. 7]. Поэтому нет ничего важнее, по его мнению, правдивого изображения действительности и способов ее выражения.

В каждом очерке он анализирует, в первую очередь, соотношение реальных исторических фактов с художественным вымыслом, пытаясь сделать вывод, насколько правдив анализируемый им автор. Так, в «Мастере и Маргарите» М. Булгакова Солженицын обращает внимание на правдивость описания советской действительности: «Все описание советской Москвы 20-х годов — это <...> неподражаемо блистательный, меткий, неопровержимый Булгаков — никаким советским румянцем этой картины не затереть ни в едином квадратном сантиметре ни во век. <...> Клиника Стравинского — как эвфемизм для посадки. Серия разгромных доносительских газетных статей (а верно: “Что-то на редкость фальшивое и неуверенное было в них, несмотря на грозный уверенный тон”) и была достаточным основанием для ареста Мастера, Алоизий Могарыч подставлен как бытовая подушка, отвести острие от прессы и ГПУ...» [6, с. 123].

При этом Солженицын выражает сомнение, что «нечистая сила выступает осуществителем справедливости», скорее, — орудием мести разочарованных в советской действительности героев. «Прослеживается, конечно, замысел и в том, что нечистая сила и ГПУ производят в разных местах сходные опустошения, выметаю одного за другим <...> И в эту — уже по сути своей бесовскую советскую жизнь — безо всякого усилия художника, естественно вписывалась вся дьявольская компания как своя — и так же естественно оказывалась на несколько градусов благороднее, чем собственно советско-большевистское...» [6, с. 124].

Рассуждая о том, что «могло увлечь» Булгакова этой темой, Солженицын создает своеобразный портрет писателя, чье творчество, по его мнению,

оставило особый «отпечаток» в литературе России. Его суждения заставляют по-новому взглянуть на личность Булгакова, особенно это касается писательской судьбы того, кто несмотря на события жестокой реальности: войны, случайную службу у белогвардейцев, голод и сложное начало творчества под давлением режима, «литературной мафии», продолжал мечтать о справедливости, но от отчаяния вынужден был обратиться не к Божьей справедливости, а к дьявольской, нечистой силе [6, с. 125],

Отдельно Солженицын анализирует религиозно-философские аспекты мировоззрения Булгакова, так как считает, что важнейший для художника принцип «жить не по лжи» неотделим от православных ценностей. Он приходит к выводу: «...в мире Булгакова — Бога нет вообще, даже за сценой, даже за пределами видимого мира <...> Булгаков в этом романе даже не приближен к христианству, заземлен по-советски. (А где у Булгакова есть прямая религиозность? Только в “Белой гвардии”, молитва Елены)» [6, с. 126].

Не устраивает Солженицына и образ Мастера, сломленного тоталитарной системой: «Мастера в романе нет. <...> Нет творческой фигуры, высокого духа — хотя, конечно, в замысле и заложена сломленность. (Писатель в психдоме — пророчество к 60–70 годам)». Итог: «Я восхищаюсь этой книгой — а не сжился с ней...» [6, с. 127].

Достоверность в изложении фактов у Солженицына неотделима от искренности писателя, выражения его внутренней свободы. Авторы — герои «Литературной коллекции», у которых искренность изложения является определяющей чертой творчества, вызывают у Солженицына неизменное уважение. Так, восхищение, сопоставимое с потрясением, вызывает у него «Солнце мертвых» И. Шмелева: «Это такая правда, что и художеством не назовешь. В русской литературе первое по времени настоящее свидетельство о большевизме...» [2, с. 190]. В этой фразе чувствуется летописец, ценящий правдивость исторического факта.

Анализируя произведения, освещающие жизнь России рубежа XIX и XX вв., Солженицын рассматривает их как историк, досконально изучивший острые нравственные и социальные проблемы того времени. Предреволюционное настроение масс, проблемы православной церкви, позицию русской интеллигенции к происходящему в стране ищет он в произведениях А. П. Чехова, И. С. Шмелева, Е. И. Замятина, вступая с писателями в своеобразный диалог. Не уходит от пытливого взора Солженицына, автора «Красного колеса», и литература, воссоздающая революционные и послереволюционные события в стране. «Солнце мертвых» И. Шмелева, «Пещера» Е. Замятина, «Голый год» Е. Пильняка проанализированы с точки зрения правдивости описания трагедии страны, где разрушены государственность, экономика, нравственные и христианские принципы, казавшиеся незыблемыми.

В связи с историей революции и Великой Отечественной войны Солженицын интересуется, как писатели-современники раскрывают судьбу русского крестьянства. Его очерки, посвященные В. Белову, Б. Можяеву, В. Распутину и Е. Носову, содержат размышления о русском национальном характере, о нравственных и религиозных традициях, постепенно уходящих из рус-

ских деревень. Высоко оценивает Солженицын прозу В. Распутина. Так, в 2000 г. при вручении В. Распутину премии своего имени он отметил: «...если <...> мы не упустим и такие качества Валентина Распутина, как сосредоточенное углубление в суть вещей, чуткую совесть и ненавязчивое целомудрие, столь редкое в наши дни, то изо всего и составит образ писателя» [8, с. 189]. Это во многом субъективное и в то же время очень точное понимание Солженицыным таланта другого писателя, близкого ему по духу и эстетическим взглядам.

На литературные темы Солженицын размышляет и в мемуарных книгах, и в публицистических статьях. Есть и в его художественных произведениях суждения на темы творчества. Так, в рассказе-миниатюре «На родине Есенина» из цикла «Крохотки» он подчеркивает природу таланта большого русского поэта, сумевшего в непримечательности обыкновенной окрестности открыть столько красоты, «которую тысячу лет топчут и не замечают» [5, с. 507]. Талант Есенина, по мнению Солженицына, — «небесного» происхождения, и потому рассказ о посещении им села Константинова полностью построен на приеме романтической антитезы.

И более всего писательская критика Солженицына настаивает на понимании важности реализма, унаследовавшего лучшие традиции русской классики. И отсюда его неприятие постмодернизма и резкая критика писателей и поэтов — постмодернистов. В статье «Иосиф Бродский — избранные стихи» писатель полемизирует с теми, кто признает Бродского гением. Обвиняя поэта в непонятности, нарушении законов стихосложения, излишних длиннотах, он пишет: «От поэзии его стихи переходят в интеллектуально-риторическую гимнастику...» [4, с. 182]. Не принимает он и иронии Бродского как форму мировосприятия поэта и как своеобразное оружие борьбы интеллигента за поруганную справедливость: «Иронией — все просочено и переполнено <...> иронию можно назвать сквозной чертой, органической частью его мироощущения и всеохватным образом поведения <...> Неизменная ироничность становится для Бродского почти обязанностью поэтической службы...» [4, с. 184],

Пристрастное отношение к И. Бродскому, который, как и он, ел «хлеб изгнания», связано с тем, что взгляд на искусство этих художников резко отличается. И. Бродский считал предметом искусства частную жизнь личности, с чем не мог согласиться Солженицын, утверждавший, что искусство должно служить прогрессу.

Интересно, что именно статья Солженицына об И. Бродском вызвала ответные полемические статьи современных критиков. Так, не соглашаясь с портретом Бродского-поэта, изображенного в статье Солженицына, Н. Иванова высказала суждение: «Солженицынскую “Литературную коллекцию” будет любопытно почитать именно с целью понимания Солженицына...» [1, с. 191].

Несомненно, основой писательской критики Солженицына являются его эстетические взгляды и историко-литературные представления, включающие религиозно-философские аспекты его мировоззрения, его позиция ху-

дожника, больше всего ценящего художественную правду и достоверность, его этические и эстетические категории, продиктованные ответственностью перед Россией, перед читателем и перед самим собой.

Литература

1. Иванова Н. «Меня упрекали во всём, кроме погоды» (Александр Исаевич об Иосифе Александровиче) // Знамя. 2000. № 8. С. 183–191.
2. Солженицын А. И. Литературная коллекция. Иван Шмелев и его «Солнце мертвых» // Новый мир. 1998. № 7.
3. Солженицын А. И. Литературная коллекция: Из пьес А. Н. Островского. URL: <http://rushist.com/index.php/literary-articles/4120-ostrovskij-groza-analiz-a-solzhenitsyna>
4. Солженицын А. И. Литературная коллекция. Иосиф Бродский — избранные стихи // Новый мир. 1999. № 12. С. 180–193.
5. Солженицын А. И. На родине Есенина // Ленин в Цюрихе. Рассказы. Крохотки. Публицистика. Екатеринбург: Изд-во «У-Фактория», 1999. С. 506–507.
6. Солженицын А. И. Литературная коллекция. Награды Михаилу Булгакову при жизни и посмертно // Новый мир. 2004. № 12. С. 122–127.
7. Солженицын А. И. Нобелевская лекция. URL: http://lib.ru/PROZA/SOLZHENICYN/s_nobel.txt
8. Солженицын А. И. Слово при вручении премии Солженицына Валентину Распутину 4 мая 2000 // Новый мир. 2000. № 5. С. 186–189.

SOLZHENITSYN AS CRITIC: DIALOGUES WITH PREDECESSOR WRITERS AND CONTEMPORARIES

Nataliya V. Ershova

Teacher of Russian and literature,
Mysovsk middle School of General education № 56
35 III International St., Babushkin, Russia

The article reviews some aspects of the writer's criticism by Alexander Solzhenitsyn: his aesthetic views on literature and art, historical and literary ideas, including religious and philosophical aspects of his world view. These aspects are revealed in the writer's articles from the «Literary Collection», in journalistic prose. The author reveals Solzhenitsyn's attitude to the “Master and Margarita” by Mikhail Bulgakov, including his disappointment due to the lack of foundations of Orthodox ethics in the novel. Solzhenitsyn's judgments about the prose by Ivan Shmelev and Valentin Rasputin, the poetry by Sergei Yesenin reveal the nature of these artists' talent. It is concluded that the criticism of postmodern poetry by Solzhenitsyn is evaluated from the standpoint of rejection of irony, unreasonably great attention to private life, and this writer's subjectivity is explained by the heightened sense of responsibility of the writer-citizen to the compatriot reader.

Keywords: cycle of essays; Russian classics; Soviet literature; Russian underground; historical fact; artistic truth.